

Сначала в программках значилось: «...Академический театр драмы. Малая сцена». Потом короче: «Малая труппа». А на программе новейшей, майской, премьеры моноспектаклей по пьесам Д. Фо «Медея» и «История тигра» уже читаем долгожданные слова: «Вильнюсский малый театр». Собственно, эти перемены и стали исходной точкой настоящих заметок. Теплого слова сама по себе достойна и премьера.

Это необычное для нас зрелище. Ведь термин «театр одного актера», как правило, нам напоминал искусство тещи. Но режиссер Рон Дженкинс (США) настаивает именно на первом слове, на том, что и в единственном актере может таиться, оказывается, целый театр, уйма персонажей, даже «массовые сцены». Ощущение это достигается не только, как обычно, голосом, но и мимикой, и пластикой тела, и ритмом. Иногда у режиссера с этим случается даже, на мой взгляд, полемический перебор. Ведь И. Бурийкайте (Медея) - внутренне подвижная актриса, и для того, чтобы мы «увидели» не только героиню древнего мифа и толпу окружающих ее женщин, совсем не обязательно заставлять бегать актрису в зрительный зал и обратно. В целом же принцип убеждает. Причудливая «История тигра», основанная на древнекитайских легендах, несколько неожиданно обнаруживает в себе много знакомого для нас. Впрочем, нет, это сознательный расчет Р. Дженкинса, замечавшего, что «у каждой новой публики постановка этой пьесы вызывает ассоциации, актуальные именно для данной страны». Вот и мы, наблюдая за превращениями актера А. Дапшиса, ухитряющегося почти одновременно быть и раненым вояком, и тырицей с тигренком, и армейскими частями, и высокопоставленными функционерами, улыбаемся экзотичности рассказа и самоотверженности актера, а сами думаем о своем потасном, ощущаем жажду свободы поострее, чем на иных опостылевших митингах.

Казалось бы, такие, как у Д. Фо, произведе-

дения, предполагающие самые простые, минимальные постановочные средства, и оттого - мобильность спектаклей, - самый благодарный материал для малых сцен. Но не только. Те несколько лет фактического существования Вильнюсского малого театра, только сейчас приобретшего официальный статус, показывают, как внимательно и целеустремленно художественный руководитель театра Римас Туминас присматривается к возможностям камерного искусства, к вновь создаваемой труппе (а в ней - не только молодые, но и опытные актеры, чей талант на «большой» сцене годами чахнул неостребованным), как формируется отнюдь не случайный репертуар нового коллектива.

Остроумная притчеобразность «Истории

ТЕАТР

Смотрите, кто пришел...

игра», трагизм «Медея», не померкшее за несколько лет импровизационное веселье Двойного неостояния» Мариво (режиссер - Дапшис) - даже за пару вечеров, побывав в алом, можно получить самые разные театральные впечатления, почувствовать поисковый характер труппы. Но самые сильные увства сопереживания вызывают, пожалуй, пектакли самого Р. Туминаса.

О своеобразной постановке «Здесь не будет смерти», выстроенной из стихов, песен, актерских импровизаций, поэтически воссоздавшей сложную атмосферу послесознанных ет, мне в свое время уже довелось писать на страницах «Эхо Литвы». Сейчас этот спектакль, ставший всевозможным лауреатом, обывавший даже за океаном, - как бы изъятая карточка в Р. Туминаса, и всей труппы. А в этом году лауреатам театрального мотра прибалтийских стран был унесен чеховский «Вишневы сад» того же Р. Туминаса.

Мрачность красок этого спектакля, го-товившегося в конце минувшего года, сегодня представляется провидческой, не может не напоминать о январской трагедии. В искусстве такие параллели всегда опасны, чреваты упрощением, но, право же, в свете нашего сегодняшнего опыта трудно воспринимать «Вишневы сад» просто «как некую отстраненную быль из жизни русских дворян». Сочтанный из тончайших нюансов смеха и горечи, надежды и отчаяния, спектакль Р. Туминаса смотрится, как размышление о судьбах интеллигенции, ее величии и прекраснодушии, о присутствии ей обостренного чувства прекрасного, притягательной ее силе, но и (быть может, изначально свойственной ей) тяге к иллюзорному, доходящей до опасной для существования грани.

Удивительное дело: труппа обошлась без всяких дешевых «алюбодневностей», но эффект духовного родства классических персонажей с нами достигнут удивительный. В душу проникают тревожащие интонации актрисы Э. Габренайте, сыгравшей Раневскую, вопреки дурной традиции, на редкость сильной и цельной натурой, С. Рачкиса, раскрасившего образ по-своему трагического Лопехина, других исполнителей. Труппа Малого, кажется, будет сильна отточенной, изысканной ансамблевыми. Все персонажи - радостно узнаваемы как в смысле их принадлежности классике, так и в смысле созвучности сегодняшним нашим чаяниям. И только одно принципиальное несоответствие: изменчивый чеховский шкаф, проломив потолок, повис над головами людей, как ежесекундная реальная опасность, как жуткая нестабильность, выражаемая уже не в словах, паузах, всплесках эмоций, а зримой, переворачивающей душу тревогой...

Начало Вильнюсского малого театра обещает многое. Но сегодня не хочется пророчествовать. Просто удивительно, как незаметно и естественно театр этот вошел в нашу жизнь. Значит, он был нужен.

Саулюс МАЦАЙТИС.

Эхо Литвы. - Вильнюс. - 1991. - 20 шене